

СООБЩЕНИЯ

Н. П. Генералова

ЗАМЕТКИ ТЕКСТОЛОГА (При подготовке «Вечерних огней»)

*Продолжение**

VI

«Брошенный» или «брошенный»? **(Образная структура одного поэтического посвящения Фета** **гр. С. А. Толстой: «Когда стопой слегка усталой...»)**

Наличие автографа того или иного стихотворения всегда является бесценным фактом, свидетельствующим прежде всего о том, что стихотворение принадлежит автору, а не приписано ему. Кроме того, автограф содержит множество сведений, необходимых публикатору или исследователю для выявления даты написания стихотворения, ранних редакций или вариантов (если мы имеем дело с черновым автографом), пунктуации, строфики и т. д. Однако не всегда даже наличие автографа дает окончательный ответ на вопросы, возникающие в процессе подготовки произведения к публикации. Нередко решению возникшей проблемы помогает наличие еще одного или нескольких автографов.

Возьмем для примера известное стихотворение Фета, посвященное жене Л. Н. Толстого Софье Андреевне, которую поэт называл «своим идеалом» и которой посвятил немало стихотворений. Вот его текст:

Когда стопой слегка усталой
Зайдете в брошенный цветник,
Где под травой одичалой
Цветок подавленный преник,

* Начало см.: *ФетСб(1)*. С. 85–102.

Скажите: «давнею порою
Тут жил поклонник красоты;
Он бескорыстною рукою
И для меня сажал цветы».

Стихотворение не было опубликовано при жизни Фета. Впервые его напечатал Б. В. Никольский во втором томе изданного в 1901 году «Полного собрания стихотворений», вышедшего в Петербурге в издательстве А. Ф. Маркса в трех томах. Можно не сомневаться в том, по какому источнику печатал Никольский этот текст. Имея в распоряжении рукописные рабочие тетради Фета, он печатал неизданные стихотворения по содержащимся в них автографам или спискам. Однако, как уже указывалось исследователями, воспроизводя автографы, публикатор зачастую допускал вольности, особенно в синтаксисе, навязывая Фету подчас нелепые и в значительной степени искажающие смысл знаки препинания.¹ Достаточно произвольно поступал он и с заглавиями стихотворений, а иногда прямо «редактировал» тексты.

Печатая текст приведенного стихотворения по автографу, по счастью сохранившемуся в Т 2 (Л. 71 об.), Никольский, на первый взгляд, не очень изменил текст: во второй строфе он заключил прямую речь в кавычки и в стихе б вместо точки с запятой поставил двоеточие. Таким образом, две части высказывания превратились в одно, по существу изменив его смысл. Вместо элегического: «жил», «сажал цветы» получилось «жил, чтобы сажать цветы для своего адресата». Первоначальное заглавие в автографе — «Графине Софье Андреев<не> Толстой» было изменено Никольским. Сократив имя и отчество адресата до инициалов, в скобках он уточнил: «супруге гр. Л. Н. Толстого», поскольку была еще одна графиня Софья Андреевна Толстая, которой Фет тоже посвящал стихи — жена поэта Алексея Константиновича Толстого. Заглавие стихотворения стало выглядеть следующим образом: «Графине С. А. Толстой (супруге гр. Л. Н. Толстого)».

Воспроизводя текст стихотворения в первом научном издании 1937 года, осуществленного в серии «Библиотека поэта», Б. Я. Бухштаб внес поправки, сняв добавленный Никольским в скобках подзаголовок и восстановив точку с запятой вместо двоеточия в стихе б. Правда, в заглавии имя и отчество адресата были оставлены, как у Никольского, в виде инициа-

¹ См. об этом: *Бухштаб. Обзор*. С. 588–591; *Генералова Н. П.* Текстологические проблемы издания стихотворений Фета (Собрание сочинений и писем в 20 томах) // *ФетСб(1)*. С. 11–21.

9. Графиня Софья Андреевна
Толстая

Когда стою? слегка усталой
~~В~~ зыбкой ветушине
Тумане правды и несправедливости,
Молитва и побуждений правды,

Скорее: двусмысленно
Мутарить молнии и молнии,
Ангел безвременной радости
Иду иду иду иду иду.

Перевод

Стихотворение Фета «Графине Софье Андреев<не> Толстой»
(«Когда стопой слегка усталой...»). Автограф (ИРЛИ)

лов, но именно так Бухштаб поступал во всех аналогичных случаях. Насколько это правильно, следует говорить особо.

Гораздо интереснее другое. В стихе 2 в издании Никольского читаем: «Зайдете в брошенный цветник,». В том же виде этот стих печатался всеми последующими издателями. В автографе стих 2 вписан карандашом над строкой вместо зачеркнутого варианта, не учтенного ни в одном издании: «В забытый вступите цветник».

В окончательном варианте: «Зайдете в брошенный <цветник>» (слово «цветник» не подвергалось правке) причастие «брошенный» первоначально было написано с двумя «н», но затем тем же карандашом одно «н» было слегка зачеркнуто. Этой правки, по-видимому, первый публикатор стихотворения Никольский не заметил. Между тем есть все основания считать, что легкое зачеркивание в этом автографе было сознательным и существенно повлияло на смысл стиха. Об этом свидетельствует еще один автограф, который, судя по всему, не был известен ни Никольскому, ни Бухштабу, опубликовавшему указанный стих в том же виде, что и первый публикатор. О втором автографе стихотворения следует поговорить особо.

Он сохранился во втором сборнике «Вечерних огней» (М., 1885) в составе конволюта, включающего три первых выпуска неизданных стихотворений Фета. В настоящее время конволют, как и экземпляр четвертого выпуска «Вечерних огней», находится в библиотеке Л. Н. Толстого в Ясной Поляне. Дарственная надпись на обложке второго выпуска гласит: «Графине Софье Андреевне Толстой старый ее почитатель». Любопытно, что автограф стихотворения² вписан на странице 4 после стихотворения «Не смейся, не дивися мне...», открывающего сборник и не имеющего номера (С. 3), перед стихотворением «День проснется — и речи людские...», расположенного на странице 5 и имеющего номер «I». Вписанное стихотворение, по понятным причинам (имя адресата названо в дарственной надписи на обложке сборника), не имеет заглавия. Нет сомнений, что стихотворение было переписано Фетом из рабочей тетради в доработанном виде и, если говорить о редакциях, может считаться выражением последней воли поэта. Разночтения с первым автографом здесь совсем небольшие: после стиха 6 вместо точки с запятой стоит запятая (а не двоеточие, как у Никольского). Прямая речь выделена

² Факсимиле автографа воспроизведено в издании: Толстой. Тургенев. Фет: Каталог выставки / Составители: В. В. Миляева, И. Э. Честникова, К. В. Мельникова. Тула, 2001. С. 9. Следует отметить, что в прочтении его допущено несколько неточностей, однако ст. 2 воспроизведен в соответствии с оригиналом.

кавычками (правда, лишь в начале фразы). Но вторая строка выглядит именно так, как было исправлено в Т 2: «Зайдете в брошенный цветник».

Насколько существенно это разночтение и что оно дает для понимания стихотворения? Думается, многое. Прежде всего наличие второго автографа раскрывает важную деталь в истории создания стихотворения. Но главное, по-видимому, состоит в том, что, будучи прочитанным как посвящение к очередному выпуску «Вечерних огней», стихотворение обретает глубокий символический подтекст, который касается именно образа «брошенного» или «брошеного» цветника. Это, конечно, образ самой поэзии, которую поэт не «бросает», а оставляет навсегда тем, кому она дорога. Поэтому он отказывается от первоначального варианта второго стиха («В забытый вступите цветник»). Этот цветник не забытый и не заброшенный, он оставлен навеки и будет существовать вечно. Поэт представляет себе, как после его смерти одна из читательниц возьмет в руки томик его стихов и перенесется в мир, им созданный. Объяснимым становится и союз «и» в начале заключительного стиха. Поэт «бескорыстно рукою» сажал цветы не только для одной из своих читательниц, пусть одной из самых дорогих, а для всех. «Поклонник красоты» также не поклонник красоты живых цветов в оранжеее или красоты конкретного адресата, это поклонник «красоты» «целого мира», «от велика и до мала» (ср. стихотворение «Целый мир от красоты...»). Таким образом, «брошенный» в данном контексте следует рассматривать не как причастие от глагола совершенного вида, а как прилагательное, образующее с существительным единый нераздельный образ, ключевой для данного текста.

VII

Знал ли Фет, когда был написан роман «Война и мир»?

(О подзаголовке стихотворения «Графу Л. Н. Толстому»)

Стихотворение, известное под заглавием «Графу Льву Николаевичу Толстому (При появлении романа: „Война и мир“») («Была пора, своей игрою...»), было напечатано впервые во втором выпуске «Вечерних огней» (1885) на странице 18. Автограф его с небольшими разночтениями сохранился в письме к Толстому от 23 апреля 1877 года, но имеет другое заглавие: «Дорогому другу графу Льву Николаевичу Толстому»

Владимир
1874 года

№ 26

II

Дорогому другу

Графу Льву Николаевичу Толстому.

Была пора, своей игрою
Своего ризаго стоило
Морской простор и шейю твоею.
И Дороженью и в тишь и вадуре
То милой тороуши лазури,
То твоя и упроберяефь екаю.

Но кань, о море! внаебво тайной
Ме все шить и шить твой босокь елурой мой
И вадуру просифей екаю.

Давно прость естаконий мой
И прость екаю екаю екаю
Въ екаю екаю екаю екаю.

А. Фет

Стихотворение Фета «Дорогому другу графу Льву Николаевичу Толстому» («Была пора, своей игрою...»). Авторизованный текст (ИРЛИ)

XI.

Графу Льву Николаевичу
Толстому.

(При появлении романа: *Война и Мир*).

Была пора, своей игрою,
Своею ризою стальною
Морской просторъ меня плѣнялъ,
Я дорожилъ и въ тишь и въ бури
То нѣгой тающей лазури,
То пѣной у прибрежныхъ скалъ.

Но вотъ, о море! властью тайной
Не все мнѣ миль твой блескъ случайный
И въ душу просится мою;
Дивясь красѣ жестоковѣйной,
Я передъ мощію стихійной
Въ священномъ трепетѣ стою.

Стихотворение Фета «Графу Льву Николаевичу Толстому
(При появлении романа: „Война и мир“»
(«Была пора, своей игрою...»). Первая публикация (ВО 2)

и подпись: «А. Фет» (ГМТ).³ Под тем же заглавием существует это стихотворение в виде авторизованного текста, записанного неизвестной рукой в Т 2 на обороте листа 114, с той же датой: «23 апреля 1877 года» в правом верхнем углу. Подпись та же: «А. Фет». Не совсем обычное местоположение даты написания стихотворения и наличие подписи, обычно отсутствующей в автографах рабочих тетрадей, говорят о том, что оно было скопировано с письма. В письмах Фет обычно подписывал свои стихотворения. По сравнению с печатным текстом в обоих автографах имеются разночтения в пунктуации: в стихе 3, как и в стихе 9, вместо запятых на конце стоят точки, что свидетельствует скорее о более позднем вмешательстве в пунктуацию кого-то из редакторов, чем самого поэта, который, как известно, предпочитал в подобных случаях точку. Стоит отметить, что в обоих автографах в ст. 8 в заключительном слове употреблена ввиду точности рифмы старинная огласовка: «случайной» вместо «случайный» в печатном тексте.

Посылая стихотворение Толстому, Фет писал: «Яснее этого я не сумел высказать впечатление, производимое на меня, не говорю Вашими произведениями, а всем Вашим существом, как скоро я его соприкасаюсь в области серьезной духовной жизни. Все равно, в какой точке».⁴

Далее, выписывая в письме еще одно стихотворение («Еще, еще! Ах, сердце слышит...»), Фет связывал появление обоих стихотворений с полученным от Толстого письмом: «Можете ли Вы, поэт, спрашивать, в какой мере Вы мне дороги? Когда это было, чтобы в тот же день я написал 2 стихотворения, худо ли хорошо — это другой вопрос. И это только вследствие Вашего, как всегда дорогого, письма».⁵

Стихотворение было опубликовано не сразу, а когда оно появилось в печати, в нем обнаружилось нечто принципиально новое — подзаголовок. И подзаголовок, на первый взгляд, совершенно неожиданный: «При появлении романа: „Война и мир“».

Итак, еще раз подчеркнем, что подзаголовок не было ни в одном из известных автографов (точнее автографе в письме к Толстому и авторизованном тексте из Т 2). Он был выставлен Фетом при подготовке второго выпуска «Вечерних огней» и, как совершенно справедливо заметил Бухштаб, не был связан с выходом в свет романа «Война и мир». Этот странный факт надо было как-то объяснить, и исследователь пред-

³ Этот автограф с неточностями воспроизведен в книге: *Толстой. Переписка*. Т. 1. С. 473.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 474.

положил, что подзаголовок появился «по ошибке или с расчетом на такое осмысление».⁶ То есть, либо Фет забыл, когда писался роман, либо вписал его название умышленно, пытаясь тем самым сказать другу нечто особенное. Другой вариант объяснения предложила комментатор отдельного издания «Вечерних огней» в «Литературных памятниках» М. А. Соколова, однако этот вариант не выдерживает критики, и вот почему. «Подзаголовок „При появлении романа «Война и мир»“, — отмечает исследовательница, — был вставлен Фетом при подготовке выпуска „Вечерних огней“ и, по-видимому, был связан с выходом 5 издания собр. соч. Толстого, 5–8 томы которого содержали „Войну и мир“ и вышли 24–31 октября 1885 г. (ценз. разр. II вып. „Вечерних огней“ — 25 октября)».⁷ Но в том-то и дело, что цензурное разрешение на второй выпуск «Вечерних огней» было дано не 25 октября 1885 года, а годом раньше — 25 октября 1884 года. Удивительно, что версия М. А. Соколовой была принята в переиздании Фета в большой серии «Библиотеки поэта», вышедшем в 1986 году, что следует отнести, судя по всему, на счет М. Д. Эльзона, помогавшего больному уже Б. Я. Бухштабу завершить подготовку тома.⁸ Здесь также внесена неточность в датировку стихотворения: «21–23 апреля 1877», очевидно, на основании упоминания Фетом даты написания двух стихотворений в один день, день получения письма от Толстого, однако письмо, помеченное 20–21 числом, вряд ли могло в тот же день попасть в руки адресата.

На самом деле в тот момент, когда было написано стихотворение, Толстой завершал работу над романом «Анна Каренина», о чем и сообщал Фету в упомянутом письме от 20–21 апреля: «Если бы я был свободен от своего романа, которого конец уже набран, и я поправляю корректуры, я бы сейчас по получении вашего письма приехал к вам. Так, я не знаю почему, ваше последнее письмо забрало меня за живое — то есть дружбу к вам. <...> Ужасно хочется вас видеть. А я надеюсь праздновать свое освобождение и конец работы около 28 апреля».⁹

По этому поводу Фет радостно писал 23 апреля 1877 года: «Заранее торжествую по случаю смерти Карениной и Вашего воскресения от обязательного труда. Помню, в ребячестве читал о работе египетской и Пасхе. 28 апреля у Вас будет Пасха».¹⁰ Вообще это письмо Фета, удивительное по своему настроению, как нельзя лучше характеризует сте-

⁶ ПССМ1937. С. 730.

⁷ ВО 1979. С. 703–704.

⁸ СлП 1986. С. 683.

⁹ Толстой. Переписка. Т. 1. С. 473.

¹⁰ Там же. С. 474.

пень доверительности и дружеского расположения поэта к Толстому. «Никогда я не чувствовал, — признается Фет, — такого, можно сказать, сибаритского довольства жизнью. Сегодня второй солнечный день и, право, можно слышать, как трава, ликуя, лезет из земли. Пчелы, когда я шел под вербами смотреть жеребят на гумне, так и распевают над головой, и ни одна не тронет. Ей не до того».¹¹ Как не вспомнить стихотворение «Пчелы», написанное поэтом еще в 1850-е годы:

Пропаду от тоски я и лени,
Одинокая жизнь не мила,
Сердце ноет, слабеют колени,
В каждый гвоздик душистой сирени,
Распевая, вползает пчела.

Дай хоть выйду я в чистое поле,
Иль совсем потеряюсь в лесу,
С каждым шагом не легче на воле,
Сердце пышет всё боле и боле
Точно уголь в груди я несусь.

Нет постой же. С тоскою моею
Здесь расстанусь. Черемуха спит.
Ах опять эти пчелы над нею,
И никак я понять не умею,
На цветах ли, в ушах ли звенит.¹²

Таким образом, следует признать, что мнение Б. Я. Бухштаба, высказанное им в 1937 году,¹³ остается наиболее убедительным, хотя и частично. Вряд ли можно предполагать, что Фет, даже при его нелюбви к датам, ошибся, назвав в подзаголовке роман «Война и мир» вместо романа «Анна Каренина». Дело было, думается, в другом.

Ко времени возникновения вписанного подзаголовка отношения Фета и Толстого уже почти прекратились, хотя поэт по-прежнему интересовался его судьбой, получая сведения о Толстом от его жены С. А. Толстой, Н. Н. Страхова и др. Этот разрыв не был как-то особенно отмечен, внешне их дружба почти не претерпела изменений. Они по-прежнему встречались, но того накала чувств, той предельной открытости и готовности услышать друг друга уже не было. К этому времени Толстой почти полностью отошел от художественного творчества,

¹¹ Толстой. Переписка. Т. 1. С. 474.

¹² Стихотворение, условно датированное 1854 г., воспроизводится по автографу в Т. I. Л. 4, с восстановлением фетовского синтаксиса, в частности, с заменой в ст. 11 и в ст. 13 восклицательных знаков на запятые.

¹³ ПССМ1937. С. 730.

занимаясь по преимуществу сочинениями религиозного характера (в конце 1884 года, в частности, он редактировал «Исследование догматического богословия», перевод «Краткого изложения Евангелия» и др. свои сочинения). Сняв в заглавии стихотворения слова «дорогому другу» и добавив подзаголовок, Фет, на наш взгляд, открыто выразил свое отношение к последнему этапу деятельности Толстого. Возможно также, что ему стало известно о появлении в печати глав незавершенного романа Толстого «Декабристы» (в сборнике «XXV лет»), отказаться от которого он призывал Толстого в апреле 1879 года.¹⁴ На наш взгляд, изменение заглавия, внесенного в окончательный текст спустя семь лет после его написания, столь существенно и значимо, что позволяет выделить две редакции стихотворения — раннюю, которая воспроизводится в 5-м томе Собрания сочинений и писем Фета по автографу в письме к Толстому (ГМТ), и позднюю, напечатанную во втором выпуске «Вечерних огней».

Отношение же Фета к «Войне и миру» было в целом восторженным. Им даже была написана статья о романе Толстого, отвергнутая «Русским вестником» и до нас не дошедшая. Сохранился, правда, ряд возражений относительно эпилога романа (образ Наташи Ростово́й и будущая судьба юного Болконского) в письме Фета к Толстому от 1 января 1870 года, где поэт вступает в скрытую полемику с автором романа о таком ключевом для обоих понятии, как «свобода».¹⁵ По-видимому, воспоминание о романе «Война и мир» ассоциировалось у Фета с самым безоблачным периодом в отношениях с Толстым, о котором он и «напомнил», вставив в заглавие «неправильный» подзаголовок и сняв обращение «дорогому другу».

VIII

Кто такая «Кура́»?

(Об одном комментаторском курьезе:

Стихотворение Фета «Учись у них, у дуба, у березы...»)

Стихотворение Фета «Учись у них, у дуба, у березы...» всем хорошо известно. Однако придется привести его целиком, чтобы читателю было легче ориентироваться (с пунктуацией по *ВО 2*):

¹⁴ Толстой. *Переписка*. Т. 2. С. 60–62.

¹⁵ См.: Там же. Т. 1. С. 394–398, а также: Розанова С. А. Толстой и Фет (История одной дружбы) // *РЛ*. 1963. № 2. С. 97–98.

Учись у них, у дуба, у березы;
Кругом зима. Жестокая пора!
Напрасные на них застыли слезы
И треснула сжимаемая кора.

Все злей метель и с каждой минутой
Сердито рвет последние листья,
И за сердце хватается холод лютей;
Они стоят, молчат; молчи и ты!

Но верь весне. Ее промчится гений
Опять теплом и жизнью дыша,
Для ясных дней, для новых откровений
Переболит скорбящая душа.

Напечатанное впервые во втором выпуске «Вечерних огней», стихотворение можно смело считать «программным», столь ясно в нем выражена философская позиция Фета. Но нас в данном случае интересует другое. Сохранилось два автографа стихотворения: белой (в РГБ) и черновой — в Т 2. Не останавливаясь на мелкой правке, позволяющей, однако, выделить черновой автограф в качестве ранней редакции, обратим внимание на правку в стихе 5, где вписан и зачеркнут над строкой один из вариантов: *Все злей кура и с...* Правка была почти полностью учтена и Б. Я. Бухштабом (без комментария, *ПССм1937*), и в отдельном издании «Вечерних огней» 1979 года, где читаем еще один вариант этого стиха:

Все злей Кура и с каждой минутой...¹⁶

Комментарий здесь также отсутствует, но можно догадаться, что Кура — это река, текущая в Грузии. Между тем на самом деле Фет использовал местное слово, употребляемое в тульской, рязанской и др. губерниях. И означает оно «метель, вьюгу». Любопытно, что современный исследователь недавно поправил М. А. Соколову, готовившую указанное издание, однако по привычке или под обаянием солидного издания написал слово «кура» с заглавной буквы: «В другом автографе (так называемой тетради II) первоначальный вариант этих строк: „Все злей Кура (диалектное тульское, орловское: вьюга, метель. — А. Р.) и с каждой минутой <...>“».¹⁷

¹⁶ *ВО 1979*. С. 468.

¹⁷ *Ранчин А. М.* Путеводитель по поэзии А. А. Фета. Учебное пособие. М., 2010. С. 142 (сер.: «Школа вдумчивого чтения»).

Между тем в автографе *T 2* стоит не допускающее разночтений: «кура» (Л. 19 об.), хотя при большом желании можно вместо строчной увидеть прописную букву. Таким образом, мы в очередной раз возвращаемся к варианту прочтения, напечатанному в издании «Библиотеки поэта» 1937 года Б. Я. Бухштабом. К сожалению, в последующих изданиях этот (как и многие другие) вариант стиха был опущен, а если бы он был воспроизведен, возможно, исследователь счел бы необходимым пояснить, кто такая *кура́*.

IX

Так чей же венок «струю серебряной мчало»? (Черновой автограф стихотворения «В пене несется поток...»)

Стихотворение, которым мы начинаем эту заметку, кажется, никому еще не известно:

Мчится смущенный поток
Ладью обгоняют буруны
Кормчий глядит на Восток
И будит дрожащие струны

В бурю челнок полетел
Пусть кормчий погибнет в ней шумно
Сердце — могучий он пел,
То сердце, что любит безумно.

Много промчалось веков
Людьми истязавших во власти
Много сковали оков
Вседневные мелкие страсти

Вынырнул снова поток
Струю серебряной мчало
Только левковый венок
Только ея покрывало

Приведенное стихотворение является черновым автографом, сохранившимся в *T 2* (Л. 60). Этот автограф очень «говорящий» — из тех, что редко сохраняют авторы. Текст записан карандашом, в спешке, некоторые слова не дописаны. У Фета есть лишь несколько подобных автографов, как правило, на отдельных листках и, по всей видимости, избежавших участи быть отправленными в корзину. По счастью, этот автограф

сохранился в рабочей тетради и носит следы большой правки. Прежде всего, правки, внесенной непосредственно после написания первого наброска. Эта правка внесена тем же карандашом, каким записано все стихотворение. Причем меняется многое, начиная с первого стиха. Затем правка проводилась чернилами, похоже, гораздо позднее.

Не исключено, что Фет, просматривая в начале 1880-х годов свои рабочие тетради в поисках неопубликованных стихотворений для задуманного им первого выпуска «Вечерних огней», решил включить это стихотворение в готовящееся издание. Почему оно не было включено в «Вечерние огни» и вообще не было напечатано при жизни поэта, можно только догадываться. И первое, что приходит на ум, это само содержание стихотворения, глубоко интимное, связанное с чувствами, которые даже лирический поэт не всегда решается вынести на всеобщее обозрение. Подобное решение было принято Фетом, на наш взгляд, и в отношении стихотворения «Это утро, радость эта...».¹⁸

Приведем стихотворение в окончательном варианте, таким, каким мы его знаем по изданиям, подготовленным Б. В. Никольским и Б. Я. Бухштабом, опуская изобретенную первым и принятую вторым графику строф, где четные стихи были напечатаны «втянутыми»:

В пене несется поток,
Ладью обгоняют буруны,
Кормчий глядит на восток
И будит дрожащие струны.

В бурю челнок полетел,
Пусть кормчий погибнет в ней шумно,
Сердце, могучий, он пел —
То сердце, что любит безумно.

Много промчалось веков,
Сменяя знамена и власти,
Много сковали оков
Вседневные мелкие страсти.

Вынырнул снова поток.
Струю серебряной мчало
Только лавровый венок,
Да мчало ее покрывало.

Сразу заметим, что окончательным этот текст можно назвать лишь условно, поскольку при жизни поэта стихотворение не печаталось. Не

¹⁸ См. о нем: *Генералова Н. П.* Заметки текстолога (При подготовке «Вечерних огней»). I–V // *ФетСб(1)*. С. 96–102.

собирался Фет включать его в итоговое собрание стихотворений, которое готовил летом 1892 года и от которого остались лишь записанные его секретарем списки заглавий (см. публ. В. А. Лукиной в наст. томе).

Возможно, мы выскажем субъективное впечатление, предположив, что если бы не существовало автографа этого стихотворения, то вряд ли можно было догадаться, что оно принадлежит Фету. На наш взгляд, его смело можно назвать символистским. Символика его открытая, почти нарочитая, совсем не фетовская, которой свойственна другая тональность — потаенно-утонченная, не бросающаяся в глаза, а всплывающая исподволь, из глубины текста. Комментарий, который дал Б. Я. Бухштаб к этому стихотворению, предельно скуп: впервые опубликовано в *ПССм1901*. Т. 1. С. 60. Автограф в *Т 2*. Датируется предположительно 1866 годом. Впрочем, подобная «скупость» очень характерна для исследователя в отношении стихотворений, не включенных в так называемое «основное собрание» (то есть намеченное в 1892 году). В издании «Полного собрания стихотворений» Фета 1959 года добавлено лишь пояснение к предполагаемой датировке: «по местоположению в тетради».¹⁹ В разделе «Другие редакции и варианты» не приводится ни одного варианта.

Между тем это как раз тот редкий случай, когда мы имеем не просто автограф, а черновой автограф стихотворения, содержащий два слоя правки — первоначальную, сделанную во время творческого акта или чуть позже, и позднюю. При таком внимании к стихотворению странно узнать, что Фет не отдал его в печать и даже потом, почти двадцать лет спустя, когда собирал первый выпуск «Вечерних огней», не изменил своего решения. Отсутствие же его в *Списке 1892* свидетельствует о том, что поэт решительно отказался от своего детища.

Самое значительное отличие автографа от известного текста состоит даже не в обильной правке, свидетельствующей о напряженной работе. В предпоследнем стихе в автографе отсутствует эпитет «лавровый», а читается «левковый», то есть венок был сплетен из левкоев, а не из лавра. Возникает вопрос: кому же он принадлежал?

Одним из неблагоприятных занятий, которому нередко предаются исследователи, а вслед за ними школьники, это пересказ стихотворения своими словами. В этом есть даже нечто кощунственное. Однако в данном случае нам придется прибегнуть к этому испытанному школьному приему. Поэт символически, даже, прямо скажем, аллегорически изображает ладью жизни, в которой плывут на восток «он и она». Она —

¹⁹ *ПССм1959*. С. 806.

возлюбленная, чувства к которой воспевают кормчий, он же — поэт. Ладья (или челнок) попадает в бурю, очевидно житейскую. И, о чем прямо не сказано, но явственно читается между строк, оба влюбленных погибают в волнах. Оставим без «пересказа» третью, философско-элегическую строфу, свидетельствующую, впрочем, о том, что «кормчий» выжил, поскольку он спустя «много веков» ощущает себя скованным «вседневными мелкими страстями». Остановимся на последней заключительной строфе. Если венок был бы лавровым, то он, без сомнения, должен был принадлежать кормчему, или певцу, который, «могучий», пел «сердце, что любит безумно». Но если венок левковый, то он, без сомнения, должен был принадлежать утонувшей возлюбленной. А тогда стихотворение приобретает совсем иной смысл: его главной героиней становится погибшая возлюбленная, чей венок и покрывало «струею серебряной мчал». В таком случае смысл первого стиха последней строфы таков: жизнь продолжилась, после бури «вынырнул снова поток» (жизни). Детали — венок и покрывало — явно отсылают к образу Офелии, а может быть и циклу, который, как известно, был написан Фетом. А прообразом «героини» стихотворения дотошный исследователь наверняка назовет Марию Лазич, чья смерть оставила незаживающую рану в сердце поэта.

Но сказанное относится к будущим комментаторам и интерпретаторам стихотворения, а нас интересует вопрос: откуда взялся «лавровый» венок? За ответом придется обратиться к изданию Б. В. Никольского, вышедшему в самом начале позапрошлого века в трех томах в Петербурге. Известный своим достаточно вольным обращением с текстами Фета, о чем раньше и убедительнее всех писал Б. Я. Бухштаб, Никольский, очевидно, счел эпитет «левковый» странным и заменил его на «привычный» лавровый, дав таким образом определенную интерпретацию этого сложного стихотворения. Хотя можно предположить, что он не очень внимательно прочитал черновой текст в Т 2.

Почему Б. Я. Бухштаб, тоже державший в руках упомянутую рабочую тетрадь, принял интерпретацию Никольского, сказать трудно. Возможно, на него произвела впечатление карикатура на Фета, которую он воспроизвел в своей блестящей публикации «Судьба литературного наследия А. А. Фета», где поэт изображен в римской тоге (намек на переводы из Горация) и с лавровым венком на голове. Больше никто из публикаторов, не заглядывая в автограф, даже не ставил под сомнение прочтение Никольского.

Есть еще одна интерпретация стихотворения «В пене несется поток...», о которой стоит сказать несколько слов. Принадлежит она

А. А. Блоку, одному из самых страстных почитателей гения Фета. Но и Блок, несомненно, не заглядывал в рукопись, а потому цитировал стихотворение «по Никольскому».

«Блоку, — пишет современный исследователь, — <...> было свойственно сближать лирику Фета с религиозной проблематикой. Об этом свидетельствуют и наброски к его статье о русской поэзии, сделанные в 1902 году, где он писал: „А связь четырех указанных выше поэтов (Тютчева, Полонского, Фета и Вл. Соловьева. — *Г. П.*) заключается в том, что свои вдохновения черпали они из того источника Божия, который не открывался другим (ибо иначе не было бы разницы между Шекспиром и Фетом)“». ²⁰ Далее Блок продолжал: «Он (Фет. — *Г. П.*) покинул „родимые пределы“ и „покорный глаголам Уст“ Божиих двинулся „в даль туманно-голубую“ <...>. И шел, „как первый Иудей“, и терял свою цель, и снова находил ее, как он, и молился чужим богам „с беспокойством староверца“»; «Есть стихотворение Фета „Чем тоске я не знаю помочь“». Последние строки этого стихотворения, помимо их вполне элегического настроения, не смущенного ни одним чуждым звуком, явственно и ощутимо выдвигают из ужасной пропасти нетленную красоту в окружении веры и веру в окружении красоты, которую тщетно пытались бы поднять из темного лона иные». ²¹

«В том же ключе, — справедливо пишет Петрова, — Блок цитирует Фета и в письме к Андрею Белому от 3 февраля 1903 года, где фрагмент стихотворения Фета „В пене несется поток...“ (1866) звучит в сопряжении со словами из „Откровения“ Иоанна Богослова: „Ангелы — бесчисленны, а бесам имя — легион. Жена пространства и жена времени — обе расчислились, распластались по истории, по земле. Они — манят. Другая — не манит. «Жаждающий пусть приходит, и желающий пусть берет воду жизни даром» (Иоанн. Откровение. XXII, 17).

Много промчалось веков,
 Сменяя знамена и власти,
 Много сковали оков
 Вседневные мелкие страсти.
 Вынырнул снова поток...
 Струю серебряной мчалю
 Только лавровый венок,
 Да мчалю *Ее* покрывало.
 (*Фет*)“».

²⁰ Петрова Г. В. А. А. Фет в переписке Александра Блока и Андрея Белого // *ФетСб(1)*. С. 68.

²¹ Там же. С. 68–69.

Обратим внимание, что в цитируемом Блоком стихотворении Фета центральным образом также оказывается образ сердца, точнее жизни безумного сердца, выраженной в песне поэта-кормчего, попавшего в суровый поток. У Блока же фетовская тема жертвующего и гибнущего в своей безумной любви певца обретает новую перспективу».²²

Не менее важно, на наш взгляд, и то, что Блок, написавший «Ее» вместо «ее» (у Фета, конечно, «ея») и сблизивший образ возлюбленной с образом своей Прекрасной Дамы, не заметил диссонанса в эпитете «лавровый». Ведь не мог же поэт, из сердца которого вылился глубоко спрятанный и глубоко автобиографический образ певца, борющегося с житейскими бурями, сам увенчать себя лавровым венком.

Х

Почему кобенился Назон?

(По поводу одного редакторского вмешательства
в текст Фета. Посвящение А. В. Олсуфьеву:
«Вот наша книжка в толстом томе...»)

Среди многочисленных стихотворных посвящений Фета разным лицам есть одно, вызвавшее если не бурную дискуссию, то скрытое противостояние двух публикаторов. Речь идет о стихотворном посвящении, известном под заглавием «Графу А. В. Олсуфьеву». Вот его текст:

Вот наша книжка в толстом томе. —
В своем далеком гетском Томи
По-русски стал писать Назон;
Но без твоих трудов — ей-Богу!
Для армяка забывши тогу,
Неряхой бы явился он.

Бывало чуть он где споткнется
И на авось опять сошлется,
Славянским духом обуян,
Ты, приводя к почетной цели,
Уже гласишь, что так велели
Сам Lörs и Riese или Jahn.

²² Там же. С. 69.

И вот оправленный, умытый,
Поэт наш римский знаменитый
Стоит расчесан, как к венцу.
Чего ж кобениться упрямо?
Пусть отправляется он прямо
С поклоном к крестному отцу.

До последнего времени автограф этого стихотворения не был известен. Казалось бы, в таком случае его следовало печатать по первой публикации, каковой являлась публикация Б. В. Никольского в известном трехтомном «Полном собрании стихотворений А. А. Фета» (СПб., 1901). Однако Б. Я. Бухштаб в издании «Библиотеки поэта» напечатал это стихотворение не по первой публикации, а по списку неизвестной рукой, сохранившемуся в Библиотеке Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, лаконично пояснив в комментариях, что текст «исправлен по списку», и указав, что в списке значится другое заглавие: «Душевно уважаемому и строгому сотруднику графу А. В. Олсуфьеву». Сличение публикаций Б. В. Никольского и Б. Я. Бухштаба показало, что главным отличием двух текстов было изменение в стихе 16. В издании Никольского этот стих звучал так:

Чего ж колеблется упрямо?

В издании, подготовленном Бухштабом, стих звучал следующим образом:

Чего ж кобениться упрямо?

Какой же вариант следовало выбрать при воспроизведении стихотворения в выходящем ныне собрании сочинений? Вопрос был не ординарным. С одной стороны, Б. В. Никольский мог располагать не известным нам автографом из утраченной рабочей тетради (как, по-видимому, и было на самом деле). С другой — вариант из списка мог быть следствием ошибки переписчика. Почему же тогда Б. Я. Бухштаб выбрал список?

Следует отметить, что в своей публикации Бухштаб не был вполне последователен. Исправив стих 16, он оставил без изменений заглавие стихотворения, хотя в списке оно было другим (даже в комментариях он привел его не совсем точно). Кроме того, он сохранил в основном пунктуацию Никольского, хотя сам неоднократно подвергал его отношение к пунктуации и вообще его эдичионные принципы строгой критике. Обращение к списку обнаружило еще одну любопытную деталь: пунктуация в нем звучала гораздо более «по-фетовски», чем в издании

Никольского. Это не могло удивить, потому что вмешательство в авторскую интерпункцию было задекларировано составителем известного трехтомника с самого начала. Но оставался вопрос: если Б. Я. Бухштаб больше доверился списку, чем Никольскому, то почему он оставил без изменений заглавие и пунктуацию?

Была еще одна небольшая деталь, вызывавшая сомнения в списке Пушкинского Дома. В слове «кобениться» мягкий знак был внесен позднее, хотя и той же рукой. Таким образом, первоначально стих читался следующим образом:

Чего ж кобенится упрямо?

То есть можно было предположить, что переписчик был не очень грамотным человеком или сомневался в прочтении слова в рукописи, с которой копировал текст.

Размышляя над причинами, побудившими Б. Я. Бухштаба выбрать за основу список Пушкинского Дома, мы остановились на следующем. В варианте Никольского настораживал оксюморонный оттенок выражения «колеблется упрямо», поскольку представить себе это состояние было достаточно затруднительно. Кроме того, если попытаться найти действующее лицо, то пришлось бы признать, что «колеблется упрямо» именно Публий Овидий Назон, потому что, отнеся данное выражение к автору-переводчику, следует ожидать глагола в неопределенном времени: «колебаться». Таким образом, по смыслу гораздо больше подходило «кобениться», хотя слово и казалось несколько экзотическим в данном контексте. Неужели Овидий склонен был упрямо «кобениться» и почему? Или же первому публикатору стихотворения Б. В. Никольскому слово «кобениться» показалось слишком «просторечным», и он допустил редакторское вмешательство в текст, заменив его нейтральным и одновременно противоречащим смыслу оксюмороном: «колеблется упрямо»?

Счастливая находка С. А. Ипатовой разрешила сомнения. Обнаруженный ею автограф Фета в книге «Publii Ovidii Nasonis Metamorphoseon. Libri XV = Публия Овидия Назона XV книг Превращений в переводе и с объяснениями А. Фета» (М., 1887), сохранившейся в Государственном литературном музее в Москве, подтвердил правоту Б. Я. Бухштаба, а не Б. В. Никольского. В дарственной надписи здесь в стихе 16 ясно и четко написано: «Зачем кобениться упрямо?». На месте заглавия, как и в списке Пушкинского Дома, значится: «Душевно уважаемому и строгому сотруднику графу Алексею Васильевичу Олсуфьеву». Как и предполагалось, пунктуация в автографе гораздо более соответствует пуш-

кинодомскому списку, чем публикации Никольского. И только стоящая под текстом посвящения дата: 14 января 1887 года — осталась неизменной во всех трех источниках.

Скажем несколько слов об упомянутом списке стихотворения, сохранившемся в Библиотеке Пушкинского Дома. Экземпляр «Превращения» Овидия, в котором находится список, как было указано Б. Я. Бухштабом, принадлежал в свое время поэту А. Н. Апухтину. На обороте титула книги содержится список стихотворения с предшествующей ему дарственной надписью (впервые опубликовано: *ПССм1937*. С. 751, с неточным указанием на то, что список был вклеен в экземпляр книги). На шмуцтитуле книги в верхней части приклеен листок с печатным текстом: «Книга эта принадлежала поэту Алексею Николаевичу АПУХТИНУ, получена мною от его родных после его кончины». Под текстом подпись чернилами, не поддающаяся расшифровке. На титуле вдоль корешка надпись: «Инв. № 3740. Б<ибблиотека?> С. Х. М.». Неизвестно, был ли знаком А. В. Олсуфьев (1831–1915) с А. Н. Апухтиным (1840–1893) и каким образом копия дарственной надписи Олсуфьеву оказалась в книге, принадлежавшей поэту. Возможно, она была вписана позднее уже другим ее владельцем. Не исключено также, что она была сделана самим Олсуфьевым по просьбе Апухтина уже после смерти Фета. С Апухтиным Фет был, скорее всего, знаком, и уж совершенно точно был знаком с его родителями.²³ Косвенным подтверждением знакомства двух поэтов может служить хранящееся в Российской государственной библиотеке поздравительное письмо А. Н. Апухтина к литературному юбилею Фета (1889).

Остается сказать несколько слов о герое этого стихотворения — графе А. В. Олсуфьеве, личности по-своему весьма примечательной.

Генерал от кавалерии, участник Венгерской кампании 1849 года и Крымской войны, боевых действий на Кавказе и русско-турецкой войны 1877–1878 годов, граф А. В. Олсуфьев был замечательным знатоком латинского языка и римской литературы. В 1886 году в нескольких номерах «Журнала Министерства народного просвещения» появилась его обширная статья «Ювенал в переводе г. Фета».²⁴ Эта статья-рецензия, в целом высоко оценившая труд Фета-переводчика, стала, очевидно, поводом для личного знакомства поэта с Олсуфьевым, состоявшегося, как можно предположить, 4 октября 1886 года. Фет преподнес Олсуфьеву «Сатиры» Ювенала с дарственной надписью в стихотворной форме:

²³ *МВ*. Ч. 1. С. 256–259.

²⁴ *ЖМНП*. 1886. № 2. С. 87–112; № 3. С. 113–160; № 5. С. 82–112; № 8. С. 80–96.

Дружевицу баранскому и старому
Самородку Трагду Тискотоме
Вашебоду Олсуфьеву

Вот наша книжка в толстом томе,
На еврейском языке Гейнкант Томми
Нордеса етанил Томасе Назарет;
Но Гейнкант в трудных — ей Тору!
Для аринька зель вим тогу,
Передан он ввмел ато.

Обвато, дубав ато гойн, еможкеейи
И на адел отивь самметед,
Славискии дудави адуви,
Мб, ириведь ко погеттеейи гетин,
уре мамид, эти такь бевим
Сави Лёс и Кисе мим Ман.

Ивато атрависевийи, чибтвийи,
Модтмаице Ринвийи замематийи
Стоити расосом, каккакь Стину
Сенор кае миттес чурвии?
Пусть атрависевийи атрависе
Са мамиме вв крестому атраву

14 Октября
1884 года.

А. Олсуфьев

и фронту, равно как и несравненному изяществу древних, — писал Фет самому Олсуфьеву 26 августа 1891 года, — но и в горячем участии ко всем проявлениям народной и государственной жизни».²⁶

Характерно, что автограф приведенного выше стихотворения, вошедшего в третий выпуск «Вечерних огней», тоже сохранился в виде дарственной надписи на книге «Д. Юния Ювенала Сатиры в переводе и с объяснениями А. Фета» (М., 1885). Книга находится в Отделе редкой книги Российской государственной библиотеки.²⁷ На это стихотворение Олсуфьев откликнулся стихотворным посланием в письме к Фету от 19 октября 1886 года:

Хотя с тобой одной бригады,
Но ты поэт, я — филолог,
А все ж, кажись, мы оба рады,
Что сблизил нас Эллады бог,
Который в сонме Муз прекрасных
Без увлечений быть умел,
В союзе дружном — и согласных
Клио с Каллиопой зрить хотел.
Гусар улану помогает,
Сигнал *вперед* седых бодрит,
И полк второй не унывает,
Трубят *аттель*: на линию летит.²⁸

А. В. Олсуфьев помогал Фету при переводе «Превращений» Овидия, за что поэт не забыл поблагодарить его в Предисловии.²⁹ Помогал он и при подготовке «Элегий» Проперция, вышедших в Москве в 1888 году. Эпиграммы же Марциала друзья готовили уже вместе: помимо про-

²⁶ См.: *Письма к Олсуфьеву* (52). С. 117.

²⁷ Этот автограф был обнаружен и впервые опубликован (с некоторыми разночтениями в пунктуации): *Письма к Олсуфьеву* (50). С. 223.

²⁸ Там же. С. 223. Любопытно, что Фет, благодаря Олсуфьеву за «прелестное приветствие в стихах», сделал замечание по поводу неуместного слова «апель», нарушающего размер стихотворения. Олсуфьев, переплетая подаренную Фетом книгу, поместил перед титульным листом лист с текстом своего стихотворения, отредактированного поэтом (см.: Там же. С. 225. Примеч. 4).

²⁹ «За спешностью работы граф не мог принять на себя пересмотра сделанных нами примечаний, относящихся к содержанию. Но такие примечания были и будут предметом споров. Зато все примечания, касающиеся до формальности текста, принадлежат перу графа Олсуфьева, и мы, пользуясь чужой ученостью и трудами, не желаем в глазах публики из скромного переводчика превращаться в знатока-классика» (Publii Ovidii Nasonis Metamorphoseon. Libri XV. Публия Овидия Назона XV книг Превращений в переводе и с объяснениями А. Фета. М., 1887. С. XIX).

смотра переводов, Олсуфьев написал краткий очерк жизни Марциала, который в расширенном виде вышел отдельным изданием.³⁰

Остается сказать, что граф А. В. Олсуфьев, кажется, первым в России назвал Фета великим поэтом. В своем подмосковном имении Ершово он установил на стене домово́й церкви памятную доску с надписью: «В память великого поэта Афанасия Афанасьевича Фета, удостоившего своею дружбою владельца села Ершова. Родился 23-го нояб. 1820 года. Скончался 21-го нояб. 1892». Ниже было высечено изречение из книги Иова (33, 3): «Чисто сердце мое во словесех, / Разум же устну моею чистая уразумеет».³¹

Что касается автографа, с которого мы начали наш разговор, то именно он печатается в пятом томе Собрания сочинений Фета в разделе «Стихотворения и поэмы, не вошедшие в сборники», под своим подлинным заглавием «Душевноуважаемому и строгому сотруднику графу Алексею Васильевичу Олсуфьеву», правда, с одним единственным изменением. Поскольку в конце стиха 15 в автографе отсутствует необходимый знак препинания, мы предлагаем поставить здесь точку, как это сделал в свое время Б. В. Никольский, а вслед за ним Б. Я. Бухштаб, а не точку с запятой, как мы видим в списке Пушкинского Дома. Такую точку можно поставить и в несостоявшемся споре двух исследователей.

XI

В степи стоит хорошая погода! (О стихотворении «Утро в степи»)

Стихотворение, известное под названием «Утро в степи», могло бы остаться в памяти читателей под другим, совершенно нелепым и не соответствующим содержанию заголовком, данным ему первым публикатором Б. В. Никольским. В издании «Полного собрания стихотворений» Фета, вышедшем в начале прошлого века, оно имело заголовок «Погода». Напомним его текст:

Утро в степи

Заря восточный свой алтарь
Зажгла прозрачными огнями
И песнь дрожит под небесами:
«Явися дня лучистый царь!

³⁰ *Олсуфьев А. В.* Марциал. Биографический очерк. М.; СПб., 1891.

³¹ *Письма к Олсуфьеву (50)*. С. 222.

Мы ждем! — Таких немного встреч!
Окаймлена шумящей рожью
Через всю степь тебе к подножью
Ковер молочный стелет гречь.

Смиренно преклоняясь челом,
Горит алмазами пшеница
Как новобрачная царица
Перед державным женихом».

Откуда же произошла эта ошибка в заглавии и как удалось ее избежать? История эта, на наш взгляд, заслуживает внимания.

Мы не беремся решать, по какой причине Фет не включил это стихотворение в *Список 1892*, составленный им для издания Полного собрания своих стихотворений. Из-за этого стихотворение не вошло в первое посмертное издание 1894 года, подготовленное Н. Н. Страховым и К. Р. и увидевшее свет в Петербурге в двух томах. Честь впервые представить стихотворение публике выпала на долю Б. В. Никольского, редактора и издателя Фета, известного своим достаточно вольным обращением с наследием великого поэта. Не умаляя заслуг Никольского, впервые опубликовавшего много стихотворений, ранее не печатавшихся, отметим, что он готовил их по рукописным рабочим тетрадям Фета, попавшим в его распоряжение. Так было и со стихотворением «Утро в степи».

Черновой автограф стихотворения сохранился в *T 2*, на листе 47. Он записан карандашом (как правило, чернилами Фет вносил в тетрадь стихотворения, уже прошедшие редакторскую обработку, при этом черновики, несомненно, уничтожались), что свидетельствует о черновом характере записи. В данном случае сохранилась и правка карандашом, и более поздняя, чернилами. Автограф был вписан под стихотворением «Из Саади» («Вселенной целой потеряв владенье...»), записанным в верхней части листа чернилами и тоже содержащим правку.

Над карандашным автографом явственно видно слово «Погод», которое Никольский и прочитал как «Погода», приняв его за заглавие. Возможно, у него и было право на это (положение на листе вполне допускает на этом месте заголовок), если бы не вопиющее несоответствие заголовка содержанию и его абсолютно непоэтический характер.

Приступив к подготовке первого научного издания стихотворений Фета, известный впоследствии текстолог Б. Я. Бухштаб начал с того, что выявил все сохранившиеся и доступные автографы, проделав колоссальную собирательскую и исследовательскую работу. Среди автографов указанного стихотворения оказался один в письме Фета к известному

историку и издателю М. П. Погодину. Это письмо без даты, посланное из Орла, сейчас хранится в Отделе рукописей РГБ в фонде М. П. Погодина: «Душевноуважаемый Михаил Петрович! / Получив вчера в Орле, рикошетом через Покровку, любезное приглашение Ваше участвовать в Сборнике, спешу отвечать на него *фантом* (кажется, таково модное слово?). „Чем богаты, тем и рады“! / Радуюсь за всех добрых людей, что Бог дал Вам снова возможность *хватить зелье* <?>. Если почему-либо стихи мои не понравятся, то лучше не печатайте их». ³² Из письма ясно, что Фет послал Погодину, очевидно в ответ на его просьбу, два стихотворения для готовящегося альманаха «Утро», который вышел в Москве в 1866 году. Однако стихотворения «Утро в степи» в нем не оказалось. По какой-то причине Погодин не взял его в альманах. Второе же стихотворение — «Как мне решить, о друг прелестный...» (перевод из Рюккерта), посланное Погодину, в альманахе было напечатано. У него вообще оказалась более счастливая судьба: позднее Фет включил его в первый выпуск «Вечерних огней».

Но если бы Никольский внимательно пригляделся к автографу второго стихотворения, посланного Погодину, то увидел бы, что над ним в Т 2, на листе 50 тоже имеется совершенно идентичный «заголовок»: «Погод», сделанный тем же простым карандашом, в то время как сам перевод из Рюккерта записан чернилами. Из этого следует, что на просьбу Погодина Фет откликнулся немедленно: он нашел среди уже имевшихся в тетради стихотворений то, что ему показалось подходящим, и, судя по всему, написал специально для погодинского альманаха стихотворение «Утро в степи», возможно, с расчетом, что оно будет открывать альманах, имеющий идентичный заголовок. Отсюда и торжественный, программный тон стихотворения.

Остается добавить, что Б. Я. Бухштаб включил стихотворение в издание 1937 года под его настоящим заглавием «Утро в степи», фигурирующим в беловом автографе, который был вписан в письмо к Погодину, однако не полностью учел эту окончательную редакцию. Если Никольский, по обыкновению, произвольно расставил знаки препинания, то Бухштаб воспроизвел их гораздо точнее, но в стихе 8 оставил все же опубликованную Никольским промежуточную редакцию. В автографе Т 2 первоначально было: «Ковер волнистый стелет гречь», исправленное на: «Ковер душистый стелет гречь», в то время как в беловом автографе Фет нашел более свежий эпитет: «Ковер молочный стелет гречь». По всем правилам текстологии, именно этот окончательный вариант и должен быть представлен в каноническом тексте.

³² РГБ. Ф. 231. Р. III (Погодин). К. 11. № 51. Л. 1.

ХП

Отчего зевал Тантал?

(Загадочная строка

из поэтического послания Фета Тургеневу)

Казалось бы, ничего особенно таинственного в одном из стихотворных посланий к И. С. Тургеневу, о котором пойдет речь, нет. Приведем это послание в том виде, в каком оно сохранилось в рабочей тетради поэта (Т 2):

Хотя по-прежнему зеваю
Степной Тантал,
Увы! я больше *не витаю*,
Где я витал.

У одичалой, непослушной
Мечты моей
Нет этой поступи воздушной
Царицы фей.

В лугах поэзии зорями
Из тайных слез
Не спеют росы жемчугами,
А бьет мороз.

И замирает вдохновенье
В могильной мгле,
Как корнеплодное растенье
В сухой земле.

О приезжай же светлым утром,
Когда наш сад
С востока убран перламутром,
Как грот наяд.

В тени убогого балкона,
Без звонких лир,
Во славу нимф и Аполлона
Устроим пир.

Тебе побегов тополь чинный
Даст для венца,
Когда остудим пеной винной
Мы тук тельца.

Пришлец с Олимпа, вестью новой
Меня утешь.
Опять покроет лоск багровый
Поэта плешь.

Найду начальный стих пеана
Я в честь твою —
Не хватит сил допить стакана
Хоть разолью.

Достаточно раскрыть любой справочник, и даже тот, кто не очень силен в греческой мифологии, узнает, кто такой был Тантал, а кто Аполлон. На поверку, однако, история этого послания оказалась гораздо сложнее, чем античные параллели, которыми столь часто пользуются поэты хотя бы и в шуточной форме.

История публикации этого стихотворного послания достаточно загадочна. При подготовке его к печати и датировке Б. Я. Бухштаб обнаружил не только адресат стихотворения (им был давний друг и постоянный оппонент Фета И. С. Тургенев), что дало возможность установить довольно точно время написания (первая половина января — первая половина февраля 1869 года),³³ но и выявил одну строфу, опущенную первым публикатором стихотворения Б. В. Никольским.³⁴ В автографе эта строфа (8-я по счету) недвусмысленно вычеркнута крест-накрест красным карандашом. Нет сомнения, что стихотворение является частью письма Фета к Тургеневу и одновременно частью поэтического диалога двух писателей.³⁵ На присланное стихотворение Тургенев откликнулся 18 февраля (2 марта) 1869 года:

«В ответ на возглас соловьиный —
(Он устарел, но голосист!)
Шлет щур седой с полей чужбины
Хоть силпый, но приветный свист.
Эх! плохи стали птицы обе!
И уж не поюньет им вновь!
Но движется у каждой в зобе
Всё то же сердце, та же кровь...
И знай: едва весна вернется —
И заиграет жизнь в лесах —
Щур отряхнется, встрепенется —
И в гости к соловью — мах-мах!

Вот, верите ли, любезнейший А. А., Ваше премилое стихотворение и меня расшевелило!».³⁶ В контексте непростого диалога, завершивше-

³³ ПССМ1937. С. 741.

³⁴ ПССМ1901. Т. 2. С. 271–272.

³⁵ Генералова Н. П. Поэтические послания Тургенева и Фета как предмет текстологии // Тургенев. НИИМ (2). С. 224–227.

³⁶ Тургенев. Письма. Т. 9. С. 156.

гося разрывом, 8-я строфа, где Фет признает своего корреспондента «пришлецом с Олимпа», должна была быть особенно дорога Тургеневу. Поэтому важно понять, кому принадлежала инициатива изъятия ее из стихотворения. Решая вопрос, восстанавливать или нет вычеркнутую строфу, Б. Я. Бухштаб не был уверен, сделано это самим Фетом или кем-то другим: «Перед последней строфой зачеркнута красным карандашом (может быть, и не Фетом; впрочем, в тетради есть несомненно фетовские пометки красным карандашом) строфа, помещенная нами в вариантах». ³⁷ Однако если учесть, что в автографе есть еще одна помета тем же красным карандашом: «Печатать» (и сделана она не рукой Фета), следует с большой долей вероятности признать, что изъятие строфы принадлежит первому публикатору стихотворения Б. В. Никольскому. В противном случае оно, пусть и без предпоследней строфы, было бы напечатано в первом посмертном издании. Вряд ли можно допустить, что столь решительное обращение с фетовским текстом могло принадлежать вдове поэта. Остается еще вариант: Страхов или К. Р. сначала предполагали опубликовать стихотворение, а затем отказались от своего намерения, однако наиболее правдоподобным представляется все же предположение, что решение изъять 8-ю строфу принадлежало первому публикатору стихотворения Б. В. Никольскому.

Итак, наиболее корректной с текстологической точки зрения является публикация этого послания к Тургеневу с восстановлением 8-й строфы. Установив несомненного адресата, логично присвоить этому стихотворению условное заглавие: «И. С. Тургеневу», по аналогии с другими поэтическими посланиями Фета, сохранившимися в рабочей тетради и, несомненно, посланными в письмах к Тургеневу («Ты прав: мы старимся. Зима недалеко...», «Прошла зима, затихла вьюга...», «Из мачт и паруса — как честно он служил...», «Тебя искал мой стих по всем концам земли...»). Но вернемся к началу стихотворения.

Во втором стихе Фет сравнивает себя с сыном Зевса и титаниды Плуто, героем греческой мифологии Танталом, прославившимся своим богатством. Однако в историю этот герой вошел не благодаря своим достоинствам, а «танталовыми муками», посланными ему отцом за совершенные преступления. Нередко призываемый на Олимп и вкушающий вместе с богами нектар и амброзию, дающими бессмертие, Тантал не только разгласил подслушанные им божественные тайны, но и украл с пиршественного стола яства, чтобы угостить ими своих земных друзей. За это Зевс низверг его в Аид и осудил на вечные муки: привыкший

³⁷ ПССМ1937. С. 741.

к роскошным пирам Тантал стоит по горло в воде, томимый вечным голодом и жаждой. Как только он хочет напиться, вода отступает, а ветви, свисающие над его головой и отягощенные плодами, немедленно поднимаются вверх под порывом ветра, стоит ему протянуть к ним руку.

Что же имел в виду Фет, называя себя «степным Танталом»? На этот вопрос дает ответ само послание: несмотря на окружающие красоты, каждодневный труд и хозяйственные хлопоты лишают поэта вдохновения.

В лугах поэзии зорями
Из тайных слез
Не спеют росы жемчугами,
А бьет мороз.

И замирает вдохновенье
В могильной мгле,
Как корнеплодное растенье
В сухой земле.

Обремененный житейскими проблемами, связанными с бурной хозяйственной деятельностью в приобретенной в 1860 году Степановке, Фет чувствует, что поэтическое вдохновение покидает его. Поэт внутренне стремится свергнуть «земли томящий прах» («Когда вослед весенних бурь...», 1865?), «весь этот тлен бездушный и унылый» («Как нежишь ты, серебряная ночь...», 1865?), «тернистой жизни прозу» («Графине С. А. Толстой» («Когда так нежно расточала...»), 1866), пытается сбросить оковы, которые сковали «вседневные мелкие страсти» («В пене несется поток...», 1866?).

Очевидно, что под шуточной формой стихотворения «Хотя по-прежнему зеваю...», обращенного к Тургеневу, скрывалось глубокое чувство неудовлетворенности, которым Фет мог поделиться только с самыми близкими людьми. Но вот вопрос, который возникает, может быть, не сразу. Почему «степной Тантал», мучающийся от поэтического голода и духовной жажды, от невозможности «витать» на высотах Олимпа, как прежде, почему он «зевает»? Неужели жизнь в Степановке, насыщенная заботами о хлебе насущном, деятельность в должности мирового судьи, в которую Фет вступил в 1867 году и которой предавался с огромной энергией и усердием, организация мероприятий в пользу голодающих и многое другое давали возможность Фету «зевать» от скуки?

Вот что писал, например, Фет В. П. Боткину 29 сентября 1868 года о том, какое впечатление произвела на гостившего у него Д. П. Боткина его жизнь в Степановке: «...Дмитрий Петрович, увидав всю мою жизнь,

выразился: что ему понятно, что после деревенской деятельности праздная жизнь в городе была бы мне в тягость».³⁸ «Хлопот у меня полон рот, — пишет он в другом письме, — но я на них не сетую, пока не приходится бороться с бессмыслием. Только борьба с бессмыслием выше сил человеческих».³⁹ Фет не только приобретал практический опыт, он постоянно делился им с читателями в многочисленных статьях и очерках, публиковавшихся в столичной прессе.

Итак, придется признать, что «зевать» в Степановке Фету было совершенно некогда. Так отчего же зевал «степной Тантал» в его послании к Тургеневу? Ответ на этот вопрос оказался весьма прост: слово «зевать» имело несколько значений. Одно из них, именно то, в котором употребил его Фет, совершенно стерлось в памяти носителей русского языка. Современный «Словарь русского языка» дает четыре значения слова: 1) «Непроизвольно глубоко вдыхать воздух широко раскрытым ртом, сразу же затем его выдыхая (при желании спать, при усталости и т. п.)»; 2) «Смотреть на что-то с праздным любопытством; глазеть»; 3) «Разг. Быть невнимательным, нерасторопным; упускать благоприятный случай», и, наконец, 4) «Обл. Громко кричать, орать». В качестве примера последнего употребления приводится рассказ М. Е. Салтыкова-Щедрина «Недреманное око» и рассказ Г. И. Успенского «Поездки к переселенцам».⁴⁰ Более подробно говорит об этом употреблении словарь В. И. Даля: «Тмб., влд. кричать, орать, реветь; драть горло, горланить; // звать, кликать, // Орл. прятаться и выказываться по временам. <...> Солнце зеваает, орл. облачко находит на него <...>». Из перечисленных значений к строке Фета, скорее всего, подходит вариант именно орловской губернии, где и располагалась Степановка: спрятавшийся в степной глуши поет по временам подавал о себе весть, хотя бы и шутивными стихами. Степановская каторга, лишившая русскую поэзию многих замечательных стихотворений, кончится лишь в 1877 году, а с переездом Фета в Воробьевку начнется последний период его творчества, ознаменованный новым взлетом его поэтической фантазии, которая снова будет витать на Олимпийских высотах. Впрочем, и в Степановке было написано немало стихотворений, часть их войдет в последние поэтические сборники Фета — «Вечерние огни».

³⁸ Фет/Боткин. С. 526.

³⁹ Там же. С. 527.

⁴⁰ Словарь русского языка: В 4 т. / Гл. ред. А. П. Евгеньева. М., 1981. Т. 1. С. 605–606.

ХІІІ

Четыре «посмертные» редакции одного стихотворения Фета («Солнца луч промеж лип был и жгуч и высок...»)

Может ли быть такое? — спросит удивленный читатель. Кто мог создать четыре редакции стихотворения после смерти их автора? И все же это, как может показаться на первый взгляд, невероятное приключение произошло со стихотворением «Солнца луч промеж лип был и жгуч и высок...», напечатанным при жизни Фета дважды: в «Вестнике Европы» и в третьем выпуске «Вечерних огней» под номером «ІІІ». Вот его текст (по *ВО 3*):

Солнца луч промеж лип был и жгуч и высок,
Пред скамьей ты чертила блестящий песок,
Я мечтам золотым отдавался вполне, —
Ничего ты на все не ответила мне.

Я давно угадал, что мы сердцем родня,
Что ты счастье свое отдала за меня,
Я рвался, я твердил о не нашей вине, —
Ничего ты на все не ответила мне.

Я молил, повторял, что нельзя нам любить,
Что минувшие дни мы должны позабыть,
Что в грядущем цветут все права красоты, —
Мне и тут ничего не ответила ты.

С опочившей я глаз был не в силах отвесть:
Всю погасшую тайну хотел я прочесть,
И лица твоего мне простили ль черты? —
Ничего, ничего не ответила ты.

Несмотря на некоторые стилистические шероховатости, о которых скажем дальше, стихотворение представляет собой на редкость четкий, проработанный сюжет, не очень характерный для любовной лирики поэта, чаще исполненной недоговоренностей, иносказаний, намеков и символов. Прав был близкий Фету критик Ю. Н. Говоруха-Отрок, сказавший, что в этом стихотворении дан «целый роман, целая трагедия, совершенно развитая и законченная».⁴¹ Статья Говорухи-Отрока появилась буквально через несколько дней после смерти Фета, скончавшегося,

⁴¹ Николаев Ю. <Говоруха-Отрок Ю. Н.> Поэзия Фета // *МВед.* 1893. 26 ноября. № 328. С. 3–4.

как известно, 21 ноября 1892 года в своем московском доме на Плющихе. Конечно, она была написана не после смерти поэта, а раньше, и предназначалась, как узнаем из письма Фета к К. Р. от 15 июля 1892 года, в качестве вступительной к «новому изданию стихотворений»,⁴² а именно к неосуществленному Полному собранию стихотворений.

Однако статья Говорухи была интересна не только общей оценкой (очень высокой) творчества только что ушедшего поэта. Здесь была напечатана новая, еще никому неизвестная редакция стихотворения «Солнца луч промеж лип был и жгуч и высок...». Вот как автор объяснил ее происхождение: «Нынешний год летом я прожил несколько дней в Воробьевке, имении покойного А. А. Фета. Как-то в разговоре я сказал ему, что это стихотворение <...> мне нравится и как жаль, что оно несколько шероховато по форме. А. А. Фет заметил, что формой он и сам недоволен <...>. Через несколько времени А. А. Фет прочел мне это стихотворение в том виде, как я его привел здесь. Я тогда же в текст, напечатанный в „Вечерних огнях“, внес все эти поправки и изменения, сделанные А. А. Фетом».

Казалось бы, история стихотворения могла на этом и закончиться. Однако случилось иначе. Еще в 1935 году известный в будущем текстолог и главный в советские годы публикатор поэтического наследия Фета Б. Я. Бухштаб обнаружил, что тот же Говоруха-Отрок спустя полгода опубликовал свою статью «Поэзия Фета» вновь, на этот раз в журнале «Русский вестник», правда под другим псевдонимом: «Ю. Елагин».⁴³ Здесь Говоруха снова вернулся к стихотворению, дав более развернутую его оценку, но одновременно приведя и новую редакцию текста. Как это могло произойти?

Комментируя этот пассаж в статье «Судьба литературного наследия А. А. Фета», Б. Я. Бухштаб писал, что новая редакция стихотворения «столь же отлична от текста первой публикации, как и от прижизненного текста».⁴⁴ «Никаких объяснений, — саркастически замечал ученый, — не дано».⁴⁵

Затем Б. Я. Бухштаб обратился к первому посмертному изданию стихотворений Фета («Лирические стихотворения»), появившемуся в 1894 году благодаря усилиям ближайшего литературного советчика и бессменного редактора на протяжении последних двух десятилетий лет

⁴² Фет/К. Р. С. 962.

⁴³ Бухштаб. Обзор. С. 580–581.

⁴⁴ Там же. С. 581.

⁴⁵ Там же.

жизни Фета Н. Н. Страхова и молодого друга и почитателя поэта вел. князя Константина Константиновича, писавшего под псевдонимом «К. Р.». Нельзя забывать, что неоценимую помощь и финансовую поддержку этого издания оказала вдова поэта Мария Петровна, предоставившая издателям все имевшиеся в ее распоряжении материалы: письма, рукописные рабочие тетради, список Полного собрания стихотворений, составленный Фетом за несколько месяцев до кончины, а также сборники стихов с собственноручными пометами поэта, готовившего это итоговое собрание. К сожалению, она не дожила всего несколько месяцев до выхода в свет двухтомника Страхова и К. Р., сохранив в завещании все права на литературное наследие Фета за его племянником В. Н. Семенковичем, оплатившим расходы по изданию.

«Эта-то вторая публикация Говорухи-Отрока (в «Русском вестнике». — *Н. Г.*) и повторена в издании 1894 г., — писал Бухштаб, — но с двумя отступлениями; один стих дан в чтении прижизненного издания, а другой в совершенно новом».⁴⁶

Обращаясь к следующему важному во всех отношениях и наиболее полному собранию стихотворений Фета, а именно к изданию 1901 года в трех томах, подготовленному продолжателем дела Страхова Б. В. Никольским, Бухштаб обнаружил еще одну редакцию стихотворения, не совпадающую ни с прижизненной, ни с редакциями в издании Страхова и К. Р. Во всех трех изданиях Никольского (в 1910 и в 1912 годах три тома Никольского были напечатаны в виде двухтомников и фактически повторяли первое издание) «из четырех разночтений издания 1894 г. с „Вечерними огнями“ оставлено два, а в двух других случаях текст совпадает с прижизненным».⁴⁷ «Таким образом, — заключает Б. Я. Бухштаб, — мы имеем четыре *посмертные* редакции этого стихотворения. Все они, очевидно, должны быть признаны одинаково мало достоверными».⁴⁸

Вывод жесткий и, как нам представляется, излишне категоричный.

Представим себе ситуацию, что Говоруха-Отрок опубликовал не две статьи с одним названием, а одну, и в ней фигурировала бы только одна новая редакция стихотворения «Солнца луч промеж лип был и жгуч и высок...». Не приходится сомневаться, что ученый отнесся бы к ней гораздо терпимее. А то, что в изданиях 1894 и 1901 годов стихотворение дано в разных редакциях, не должно было удивить исследователя, тща-

⁴⁶ Бухштаб. *Обзор*. С. 581.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же.

тельно изучившего эдичионные принципы как Страхова, так и Никольского. Оба редактора получили в статье Бухштаба достаточно критическую, хотя и принципиально верную оценку. По сравнению с Никольским Страхову Б. Я. Бухштаб даже отдавал предпочтение, считая его «редактором несравненно более тщательным, чем Никольский».⁴⁹ Это мнение трудно оспорить. Несмотря на все издержки (а Страхов и сам понимал, что первое посмертное издание стихотворений Фета далеко от совершенства), «Лирические стихотворения» в двух томах стали надолго главным источником знаний о Фете, так сказать, представляли его творчество русской читающей публике.

Но вернемся к вопросу, затронутому Бухштабом в связи с публикациями Ю. Н. Говорухи-Отрока, и попробуем объяснить, откуда взялась еще одна редакция упомянутого стихотворения в статьях, написанных после смерти Фета с разницей в полгода.

Начиная разговор о посмертной судьбе стихотворения «Солнца луч промеж лип был и жгуч и высок...», Б. Я. Бухштаб утверждал, что «текст его совершенно идентичен в рукописи, журнале и III выпуске „Вечерних огней“».⁵⁰ Между тем это не совсем так. Для начала приведем различия первой публикации стихотворения в журнале «Вестник Европы» по сравнению с последней прижизненной публикацией в «Вечерних огнях», включая различия пунктуационные, на важность которых справедливо обращал внимание сам Б. Я. Бухштаб.

ВЕ. 1885. № 2. С. 570:

Ст. 1:

Солнца луч промеж лип был и жгуч, и высок,

Ст. 3:

Я мечтам золотым отдавался вполне;

Ст. 6–7:

Что ты счастье свое отдала за меня;
Я рвался, я твердил не о нашей вине;

Ст. 11:

Что в грядущем цветут все права красоты;

⁴⁹ Там же. С. 587.

⁵⁰ Там же. С. 580.

Ст. 13–16:

С опочившей я глаз был не в силах ответить,
Всю погасшую тайну искал я прочесть
И лица твоего мне простили ль черты?
Ничего, — ничего не ответила ты!

Даже если предположить, что различия в пунктуации были внесены редакторами журнала «Вестник Европы» или Страховым, передавшим туда стихотворение,⁵¹ то вряд ли это касалось всех указанных разночтений. Во всяком случае, разночтение в стихе 7 должно было бы быть отмечено Б. Я. Бухштабом, как оно было отмечено в издании «Вечерних огней», подготовленном М. А. Соколовой и Д. Д. Благим в серии «Литературные памятники».⁵²

Обратимся теперь к автографу, сохранившемуся в Т 2.

Это черновой автограф на листе 94, который записан чернилами и содержит правку, сделанную тоже чернилами. Часть ее, очевидно, относится непосредственно ко времени написания стихотворения.

Ст. 3:

Я [высказывал все золотые мечты —]

Окончательный вариант вписан над строкой.

Ст. 6–7:

Что ты счастье свое отдала за меня.
Я рвался, я твердил о не нашей вине

Ст. 10:

Что минувшие дни мы должны позабыть

Ст. 11–12:

Что в грядущем цветут все права красот[е]ы, —
[Ты] Мне и тут ничего не ответила [мне] ты.

Ст. 13–14:

С опочившей я глаз был не в силах ответить
Всю погасшую тайну [хотел] искал я прочесть

Над текстом красным карандашом помета: «NB», рядом простым — «X», «П». Выскажем предположение, что помета, сделанная красным

⁵¹ См. об этом: *Фет/Страхов*. С. 384.

⁵² *ВО* 1979. С. 472.

карандашом, принадлежит самому Фету, недаром стихотворение помещено в третьем выпуске «Вечерних огней» одним из первых. Помета простым карандашом в виде крестика могла обозначать, что стихотворение переписано, а помета «П» могла быть сделана Страховым или К. Р. и обозначала номер тома, в который предназначалось стихотворение. Именно во втором томе оно помещено в издании 1894 года.

Из всех обозначенных разночтений только три, и то не полностью, учтены в издании «Вечерних огней» в серии «Литературные памятники». Это разночтения в стихах 3, 12 и 14.⁵³ В изданиях, подготовленных Б. Я. Бухштабом, не учтено ни одно из приведенных разночтений, которые названы «незначительными». В издании 1937 года в разделе «Другие редакции и варианты» отмечен лишь один вариант, и это вариант стиха 3 из страховского издания 1894 года, признанный в статье Бухштаба «Судьба литературного наследства А. А. Фета» «недостоверным».

Нам кажется, что дело обстояло не так безнадежно, как это представилось Бухштабу. Нет ничего удивительного в том, что Ю. Н. Говорухе-Отроку стихотворение «Солнца луч промеж лип был и жгуч и высок...» показалось «несколько шероховато по форме». Даже после нескольких попыток Фета отредактировать стихотворение, оно сохранило некоторые «темные места», которые его издатели (в том числе Страхов и Никольский) пытались «прояснить» посредством изменений в пунктуации. Нет ничего удивительного и в том, что Фет, по словам Говорухи, «заметил, что формой он и сам недоволен». И уж совсем ничего удивительного нет в том, что он попробовал подправить стихотворение по замечаниям своего молодого гостя и почитателя, как он это делал постоянно, в особенности, когда речь шла о людях, эстетическому вкусу которых он доверял.

Поскольку дело происходило в последнее в жизни Фета лето 1892 года, когда поэт готовил свое итоговое Полное собрание стихотворений (которого ему уже не суждено было увидеть), он внес поправки в экземпляр третьего выпуска «Вечерних огней», куда, как и в другие сборники, вносил правку для будущей типографии. Прочитав новый вариант Говорухе-Отроку, он, без сомнения, позволил ему перенести правку в экземпляр, принадлежавший критику. Так родилась, выражаясь словами Б. Я. Бухштаба, первая «посмертная» редакция стихотворения. Под впечатлением известия о скорой кончине поэта Ю. Н. Говоруха-Отрок поспешил откликнуться на эту горестную для него утрату и поделился тем, что у него было — последней редакцией стихотворения.

⁵³ *ВО* 1979. С. 472.

Заметим, что вряд ли его большая по объему статья, занявшая два подвала газеты «Московские ведомости», к моменту смерти поэта была готова. Она готовилась как предисловие к будущему изданию, но еще в августе 1892 года Фет писал о ней Я. П. Полонскому (письмо от 9 августа 1892 г.) в будущем времени: «Говоруха <...> обещал написать статейку о моих стихах, которые я собираюсь напечатать в одной книжке».⁵⁴

Далее дело могло происходить так. Вскоре после смерти Фета между Марией Петровной и великим князем Константином Константиновичем, выразившим вдове поэта глубокое и трогательное сочувствие, возник вопрос о довершении начатого и фактически подготовленного Фетом Полного собрания его стихотворений. Обмен письмами по этому поводу происходил между Марией Петровной и К. Р. уже в январе 1893 года. Тогда-то вдова и сообщила великому князю об имеющихся в ее распоряжении материалах, в том числе печатных сборниках с собственноручными пометами Фета. Все материалы были вскоре отправлены К. Р. и Страхову, которого великий князь привлек к будущему изданию по вполне понятным причинам. Таким образом, в руках у Страхова оказались правленные Фетом уже опубликованные стихотворения, среди которых было и то, о котором идет речь.

Очень возможно, что после отъезда Говорухи-Отрока из Воробьевки, где он гостил в июле 1892 года, Фет снова вернулся к стихотворению «Солнца луч промеж лип был и жгуч и высок...» и еще раз доработал его. Именно этот вариант оказался у Страхова, а через него мог оказаться у тесно с ним общавшегося Говорухи-Отрока. Вот почему, перепечатавшая в расширенном и дополненном виде свою статью в «Русском вестнике» полгода спустя, критик воспользовался самой последней версией стихотворения, подтвержденной автографом. Таким образом, вопреки утверждению Бухштаба, что в первом посмертном издании Страхов «повторил» редакцию Говорухи-Отрока из «Русского вестника», дело могло обстоять совершенно наоборот. Правда, ученый отметил, что страховский «повтор» сделан «с двумя отступлениями; один стих дан в чтении прижизненного издания, а другой в совершенно новом».⁵⁵ Но, кажется, он ошибся и приписал Страхову то, что хотел сказать о версии Говорухи-Отрока. Действительно, если не принимать во внимание небольшие пунктуационные отличия (например, у Страхова в стихах 3, 7, 11, 15 в конце стоят тире, как в печатном тексте «Вечерних огней», на

⁵⁴ Фет/Полонский. С. 980.

⁵⁵ Бухштаб. Обзор. С. 581.

которые Говоруха мог не обратить внимания), то первые одиннадцать стихов в публикациях Страхова и Говорухи совпадают. Стих 12 у Говорухи-Отрока (напомним, речь идет о второй публикации в «Русском вестнике») совпадает с прижизненным изданием, а у Страхова появляется вариант, не встречавшийся ранее: «Ничего мне и тут не ответила ты». Допустить, что Страхов сочинил этот вариант сам, представляется некорректным, остается предположить, что он был вписан в не дошедший до нас экземпляр «Вечерних огней». Правда, не вполне понятно, почему Говоруха-Отрок отказался от этого варианта и вернулся к печатному тексту сборника. Впрочем, выписывая из сборника новую редакцию стихотворения, он мог просто его пропустить.

Но самое загадочное — это вариант стиха 15, которые возник только во второй редакции Говорухи-Отрока в «Русском вестнике» и не был «повторен» в страховском издании 1894 года: «И лица твоего мне открылись черты...». Если разночтения у Страхова и Говорухи-Отрока в стихе 12 не представляются принципиально важными, то разночтения в стихе 15 действительно важны. Оговоримся еще раз, что рассуждения на эту тему могут иметь только гипотетический характер.

В самом деле: откуда взялся вариант стиха 15, напечатанный Говорухой-Отроком в «Русском вестнике»? Либо он был записан, по словам критика, «под диктовку» Фета (тогда почему не появился в первой публикации в «Московских ведомостях?»), либо «списан» с экземпляра сборника, которым располагали Страхов, К. Р. и позднее Никольский (тогда почему они не воспользовались им, берясь воспроизводить стихотворение в последней авторской редакции?). Остается еще одна гипотеза, правда, маловероятная, что этот стих был сочинен самим Говорухой-Отроком, на что как будто намекнул Бухштаб, уничижительно отозвавшись о публикациях одной статьи в двух изданиях. Зададим вопрос следующим образом: берясь за предисловие к Полному собранию стихотворений почитаемого поэта, тщательно воспроизводя в первой публикации редакторскую правку Фета, сделанную едва ли не в его присутствии, мог ли критик, будучи тридцатью годами моложе престарелого поэта, да еще после его кончины, переписать целый стих? Ответ напрашивается явно отрицательный. Остается думать, что Страхов мог не принять предложенного Фетом (под давлением критики Говорухи-Отрока) варианта стиха 15, который оказался в полученном им от Марии Петровны экземпляре сборника «Вечерние огни», или же Говоруха нашел в своих поправках упущенный им при первой публикации вариант.

Вариантов стиха 15, в отличие, например, от стиха 3, на первый взгляд совсем не много. Начиная с автографа в рабочей тетради и с первой публикации в «Вестнике Европы», их, собственно, два. И один встречается только в статье Говорухи-Отрока в «Русском вестнике». Однако от этого «темное место», каким и по сей день представляется стих 15, не становится более «понятным» в контексте всего стихотворения. В самом деле, смысл последней строфы стихотворения таков: лирический герой, накануне объяснившийся с героиней и предложивший ей расстаться, оказывается у ее гроба и хочет «прочсть» на ее лице «всю погасшую тайну». Еще он хочет узнать, «простили ль» ему «черты лица» усопшей. Возникает вопрос: от кого он должен получить прощение — от самой умершей возлюбленной или от кого-то еще. Судя по последнему стиху, повторяющему рефрен предыдущих строф («Ничего, ничего не ответила ты»), герой так и не получает ответа. Но в таком случае крайне странно выглядит и ее «предполагаемый» ответ. Умершая должна простить любимому свои черты. И почему тогда герой не задает свой вопрос мертвой возлюбленной «на ты», как во всем стихотворении, а вводит неопределенное «простили ль», отсылающее к кому-то иному, даже к иным, которые, в свою очередь, вряд ли могли бы ответить на вопрос о «погасшей тайне».

Нет сомнений, что похожие вопросы не могли не возникнуть у Страхова, как и у любого читателя стихотворения, но они до нас не дошли. Не исключено, что Фет просто отказался переделывать этот стих, чтобы сделать его более «понятным». Потому он и был напечатан в «Вестнике Европы» и в отдельном издании «Вечерних огней» в том же виде, что в автографе. Приезд Говорухи-Отрока в Воробьевку и его слова о «шероховатостях», мешающих восприятию целого, снова вызвали у Фета ту же реакцию, которую мы гипотетически воспроизводим в отношении его главного критика этого времени — Н. Н. Страхова. Заметим, что к этой гипотезе подталкивают и сохранившиеся письма Страхова за период с конца сентября по 9 декабря 1884 года, когда ему были присланы несколько стихотворений, на которые он откликнулся. Два из них — «Солнца луч промеж лип и жгуч и высок...» и «Есть ночи зимней блеск и сила...» были переданы Страховым Стасюлевичу и напечатаны в февральском выпуске «Вестника Европы» за 1885 год. И лишь одно стихотворение, именно то, о котором идет речь в настоящей заметке, не получило никакой оценки и было просто передано редактору журнала.

К сожалению, автограф этого стихотворения, посланный в письме к Страхову, сохранился не полностью, как и все письмо, оказавшееся разорванным. В сохранившихся трех строфах никаких существенных

изменений по сравнению с первопечатным вариантом нет, но нас интересует как раз последняя, отсутствующая в этом автографе строфа.⁵⁶

Можно с уверенностью предположить, что Говоруха-Отрок имел в виду стих 15. Что же дает вариант, напечатанный им в «Русском вестнике», для прояснения смысла этого стиха? Прежде всего, ситуация кардинальным образом меняется: герой хочет прочесть тайну и эта тайна ему открывается: «И лица твоего мне открылись черты...». Мертвая возлюбленная как бы оживает, но снова повторяется то, что было ранее — она отвечает молчанием на его вопрос. Внешняя ясность, однако, вступает в явное противоречие с логикой: герой искал тайну, она ему открылась, но она осталась, поскольку возлюбленная снова молчит. Может быть, эта нелогичность нового варианта и побудила Страхова оставить более раннюю версию.

О том, в какое затруднительное положение были поставлены публикаторы стихотворения, свидетельствуют расставленные ими с целью прояснить стих 15 знаки препинания. Может быть, наиболее характерным и объясняющим смысл высказывания следует считать вариант первой публикации в «Вестнике Европы», где стихи 13–16 выглядят следующим образом:

С опочившей я глаз был не в силах ответить,
 Всю погасшую тайну искал я прочесть
 И лица твоего мне простили ль черты?
 Ничего, — ничего не ответила ты!⁵⁷

Отсутствие запятой в стихе 14 делает вопрос усложненным, но состоящим из двух однородных членов: герой хотел узнать «всю» тайну героини и узнать, простили ли его. Нет запятой и в автографе. О вариантах Страхова и Говорухи-Отрока мы уже говорили.

Еще одну интерпретацию предложил Б. В. Никольский:

С опочившей я глаз был не в силах ответить, —
 Всю погасшую тайну искал я прочесть:
 И лица твоего мне простили ль черты? —
 Ничего, — ничего не ответила ты!..⁵⁸

Как видим, Никольский попытался из двух вопросов оставить один. Загадочная фраза «И лица твоего мне простили ль черты?» немного

⁵⁶ Этот автограф воспроизведен: *ЛН*. Т. 103. Кн. 2. С. 385.

⁵⁷ *ВЕ*. 1885. № 2. С. 570.

⁵⁸ *ПССм1901*. Т. 1. С. 109.

прояснилась, ее можно в таком виде отнести к самой умершей возлюбленной и получить в ответ снова молчание. Правда, несколько «зависает» соединительный союз «и» в начале стиха 15.

Но самый неожиданный, на наш взгляд, и, кажется, совершенно произвольный вариант интерпретации этого «темного места» предложил Б. Я. Бухштаб.

С опочившей я глаз был не в силах отвести, —
Всю погасшую тайну искал я прочесть.
И лица твоего мне простили ль черты? —
Ничего, ничего не ответила ты!⁵⁹

Ставя в конце стиха 14 точку, публикатор поставил точку и в страданиях лирического героя, стремившегося «прочесть» погасшую тайну в лице умершей девушки. Вопрос же о том, простили ли ему кто-то мертвые черты лица его возлюбленной, оказался не только без ответа, но и совершенно изолированным от всего стихотворения. Герой смотрит на умершую, пытаясь угадать ее тайну, а потом, будто спохватившись, что забыл задать еще один вопрос, задает и его. Стоит отметить также, что пунктуация заключительного стиха была позаимствована Бухштабом у Страхова. До Страхова в обеих прижизненных публикациях и в автографе у Фета стояла точка. В обеих «редакциях» Говорухи-Отрока поставлены многоточия. Никольский же соединил варианты Страхова и Говорухи, поставив восклицательный знак и многоточие.

Остается сказать, что редакция, представленная Страховым и К. Р. в первом посмертном издании 1894 года, была повторена Никольским (с обычными для него отклонениями в пунктуации), что еще раз подтверждает, что оба издателя ориентировались на один источник, выражающий последнюю волю поэта.

Несомненно одно: Страхов принципиально напечатал стихотворение не по последнему прижизненному изданию («Вечерние огни»), а по другому источнику. Этим источником мог быть либо автограф (что маловероятно), либо правка в тексте личного экземпляра Фета. Вот почему с текстологической точки зрения более корректным представляется публикация не только последней прижизненной редакции стихотворения «Солнца луч промеж лип и жгуч и высок...», но и более поздней, по изданию «Лирических стихотворений».

Что касается так называемых редакций Говорухи-Отрока, столь сурово раскритикованных Б. Я. Бухштабом, то первая из них должна быть

⁵⁹ ПССМ1937. С. 222.

признана промежуточной, а происхождение второй было связано с готовящимся Страховым и К. Р. посмертным изданием, и потому она вряд ли может считаться самостоятельной. В любом случае, ни одна из перечисленных редакций, включая редакцию Никольского, не может называться «посмертной», имея в источнике последний этап работы Фета над этим стихотворением.